

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Вечерний Челябинец

Газета Челябинского горкома КПСС и городского Совета народных депутатов

Год издания
двадцать первый

Суббота,
29

апреля
1989 года

№ 100 (6159)

Цена 3 коп.

«ЗУБР»

художника ГАБРИЭЛЯНА

Встречи в Миассово

НА ИЛЛЮСТРАЦИЯХ:

● Р. Габриэлян, член Союза художников. В пятидесяти-шестидесятые годы жил и работал в Челябинске. Рис. А. В. Гилева.

● А. А. Титлянова, доктор биологических наук.

● Н. В. Тимофеев-Ресовский, герой повести Д. А. Гранина «Зубр». Портрет Р. Габриэляна.

Мне надо вспомнить о череде сиренных и в общем-то обычных событий, которые стали причиной написания портрета известного ученого Н. В. Тимофеева-Ресовского, героя повести Д. А. Гранина. Думаешь, что благодаря этому портрету писатель нашел для своего произведения чрезвычайно удачное и образное название.

Началом, пожалуй, можно считать областную выставку работ художников в Челябинске. Была зима «первой оттепели» шестидесяти второго года. Выставка получилась необычной, поэтому в картинной галерее зрители, как гозорят, не сереводились. Особое внимание досталось Кирику Отганеси и Р. Габриэлян. Больше, однако, удивляли портреты Рубена. Я впервые видел неправдоподобно огромные глаза, лебединые шеи женщин, нежный излом skulls. Мне запомнился портрет актрисы Н. Ургант, малиновый снимки красками, что создавало ощущение загодности, романтики.

На выставке были Аргента Антониновна Титлянова и Миля Гилева, сотрудницы биостанции Миассово, которая была частью лаборатории радиозологии, созданной Н. В. Тимофеевым-Ресовским в составе Свердловского института биологии АН СССР.

Ученые дамы долго смотрели на портреты Габриэляна. Аргента Антониновна поправила очки, достала пачку «Шипки», с некоторой досадой вернула сигареты в сумочку и сказала с обычной своей напористостью:

— Юра, мы должны посетить мастерскую этого художника. Летом, надеюсь, вы приведете Габриэляна в Миассово...

А. А. Титлянова и Э. М. Гилева в наше время работают в науке, защитили докторские диссертации. Аргента — сибирячка по рождению, руководит лабораторией в одном из институтов Новосибирского академгородка. Хорошо помню ее невысокой, спортивной, уме-

ющей ходить твердо и ровно. Она коротко стригла темные волосы, говорила, что принадлежит к востельницам-амазонкам, женщинам, которые в жизни полагаются только на себя. Мужчины, значит, нужны им для любви и рождения детей. Все остальное они могут сами.

Э. М. Гилева осталась в Институте экологии УрО АН СССР. Мне случилось читать в газете «Наука Урала» ее сердитую статью, которой Миля отчитывала писателя Д. А. Гранина за неточности в повествовании. В шестидесяти годы она редко сердилась. Выглядела добродушной, чуть полноватой, но нравилась мужчинам. Похоже, нравилась Габриэлян. Он писал ее маслом и карандашом. Маленький карандашный портрет, кажется, сохранился у меня.

Габриэляна хорошо знал Юра Чераланов, инструктор Челябинского горкома ВЛКСМ. Рубен встретил нас сдержанно: выслушал приглашение Аргенты, кивнул неопределенно и продолжал переключать кисти, протирать их тряпкой. И хмурил граничные брови, чем-то озабоченный, кривил черные плотные усы. Потом я узнал, что Рубен покладист и контактен. Умеет улыбаться лукаво и мило, но может стать резким, упрямым и замкнутым. Прощаясь он сказал, что проведет жену в Ереван и, должно быть, поедет в Миассово. Должно быть, там есть хорошие люди и он сварит им хороший кофе. Рубен еще не понял, что ему отчаянно повезло: приглашение Аргенты на биостанцию будет значительным событием в его жизни.

Кирику каждое лето брала сыновей и летала в Армению. Возвращались они поздней осенью. Она писала родные горы, Севан, земляков. Работать в наших горах, в нашем городе Кирику, думаю, не могла. В прошлом году, если помните, в Челябинске была выставка пейзажей Кирику. Я напе-

чал отъезд в городской газете. Впечатляющая живопись была посвящена армянским мотивам. Аргента Антониновна сравнительно недавно гостила на Кавказе у Кирику и Рубена. Она сказала, что супруги работают много и талантливо, как в Челябинске, когда впервые случилось видеть их картины.

Я пришел в Миассово зимой 1960 года. Был юный и студентский февраль. Челябинский поэт Рамазан Шагалиев пригласил меня сходить в Яраткулово, обещал познакомиться с активным комсомольцем Ташбулатом Латыповым. Я начинал печататься и старательно искал адреса новаторов и событий, достойных внимания областной прессы.

Мы приехали на электричке в Чебаркуль, на райсовом автобусе — в Верхние Карасы. Дальше была санная дорога, надеяться следовало только на полунатую лошадку. Я знал, что возможен лошадий ход, и взял с собой лыжи. Они пригодились тогда, когда надумал побывать в заповеднике.

В Яраткулово был колхозный клуб, где Рамазан читал свои стихи и собирался сделать доклад о жизни А. П. Чехова. И, наперное, сделал, только я при сем не присутствовал. Вышло так, что Ташбулат предложил нам съездить в Уразбаево, познакомиться с председателем колхоза «Заря» Николаем Иосифовичем Тузовым, Героем Советского Союза.

Лошадка шла рысью, заивдела, встречный воздух обжигал лица. В Уразбаево кол-

хозники сказали, что у них в деревне завод особенный, потому что рядом большое озеро. Когда-то озеро принадлежало башкирскому роду, осевшему в Уразбаево и Кузберино. В царское время старшины рода сдавали его в аренду кулакам, а после революции Большое Миассово было приписано к заповеднику. Теперь на заповедном берегу живут ученые. Лотом ученых много. Они покупают в деревне молоко, сметану и лесные ягоды. Зимой почти вся наука уезжает, и торговать можно только на базаре в Миассе, куда ведет Башкирская тропа напрямиком через гору.

На другое утро я надел лыжи и пошел из Яраткулово в Уразбаево. Пробежал километр, десять или несколько больше, санний проселок был все под уклоном. Я почую-то спешил, словно к важному мероприятию. Снег под лыжами сухо шуршал, это сбивало куржак в колках. Он осыпался с ветки березовых веток, соробрился в холодном солнце.

Ворота в заповедник оказались распахнутыми. Ни аншлагов, ни запрешений, которые я ожидал встретить. Санний путь привел к кордону лесника-блюдетеля и повернул к берегу озера. Стала видна вереница щитосборных домов на фоне заснеженного бора. Редкие печные дымки обозначали жилье, в котором зимовала наука. Надо сказать, что на озере были рыбаки — четверо завернутых в тулупы мужиков и одна женщина в полубубке и одеяле. Она показала мне

крыльцо Макарова, заводящего полевою партней, мужа Аргенты Антониновны.

Встретил меня Николай Михайлович, рослый, пригожий витязь. Было время обеда. Аргента Антониновна и Инна Молчанова, студентка МГУ, запускали в кипятке мороженые полемки. В плите гудел огонь, на кухонном столе таял лед.

Я сказал Николаю Михайловичу, что пришел в Миассово на лыжах, достал документы. Аргента усмехнулась, взяла из моих рук куртку, помяла затвердевший на морозе брезент, пощупала влажную от пота суконную подкладку, кивнула, приглашая к столу.

На биостанции я провел почти неделю. Первые ночи спал на кордоне М. С. Маркина. Это было неудобно, потому что Михаил Степанович и его хозяйка ложились рано, а науке в поселке засиживалась далеко за полночь. И тогда Аргента предложила мне протопить печь в квартире Шефа — так за глаза называли Тимофеева-Ресовского, все равно Шеф зимой в Миассово не бывает.

Прошло двое или трое суток, ко мне присмотрелись, привыкли. Аргента Антониновна и Борис Агафонов повели меня в корпус на второй этаж, в кабинет Николая Владимировича. Борис открыл незатертую дверь, пропустил в сравнительно просторное помещение, где зеленело задевшее окно, рыхлые осязаемые тени держались со углам. И немного мебели — массивный стол, глубокое мягкое

кресло какой-то салонной расцветки и тумба, способная выдерживать литого каслинского зубра.

На белой стене были развешены фотографии известных натуралистов, ученых, вырезанные из журналов, газет, просто пераснятые, заложенные под стекло и скрепленные пластирем. Кстати, об этом «иконостасе» подробно пишет Д. А. Гранин в «Зубре».

Борис Агафонов показал мужчине в старомодных куртках и сказал, что это вот — Мендель и Морган. Подождет, посмотрел возросительно, с некоторым вызовом.

— Они! — не сразу поверил я, — те самые! Лмеучные!

— Да, — твердо ответил Борис, — они.

Мы пили чай, крепкий и сладкий, из колбы тугоплавкого стекла. Борис рассказывал о том, как возникла геобитика, развивалась и была гонима. Аргента курила в глубоком кресле, молчала, вероятно, признавая за Борисом перзество и умение говорить образно, интересно. Потом при случае он в шутку скажет Аргенте, что перевербовал еще одного «лысенковца», перетянул его в лагерь классической генетики. Кстати, журналиста, жаль, что начинающего.

Я возвращался в квартиру Шефа, когда выставляла печь, ощущению тянуло холодом от непролазных оконшек. При слабом электрическом свете смотрел книги и журналы, оставленные в зиму на стеллаже. Было много книг периферийных изданий, зачитанных, за-

листных. Был номер альманаха «Южный Урал» в твердой обложке, рассказы С. Мелешина.

Прошло больше двух лет, и мне случилось в этой комнате слушать ироническую перепелку Тимофеева-Ресовского и Полетаева, математика из Новосибирского академгородка. Николай Владимирович и Игорь Андреевич отыскивали что-то забавное в повестях Кафки. Похоже, что никто из бывших за столом не читал сочинения Франца Кафки, может быть, кроме Елены Александровны, супруги Шефа.

Теперь надо сказать, что И. А. Полетаев в конце пятидесятых годов зател на страницах «Комсомольской правды» спор с писателем И. Г. Эренбургом о том, нужна ли в космосе ветка сирени! Так изчлелось противостояние сфинзиков и лириков!

После ужина Аргента спросила, что я знаю об этом астринском писателе? Я разсел руками и ответил, что это модернист начала века. Произведения его свидетельствуют о кризисе буржуазной литературы. А вообще его в нашей стране не печатают с двадцатых годов.

— Негусто, — усмехнулся Аргента. — Ну разве можно с литератором разгогерчать о литературе! Этот градует хорошо знает математики, кетни странно...

Моросил дождь, тронил стале сырой, сно что тянулось от зашторенных окон, находил дощатым охри-

стые двери одинаковых «сварочников», установленных в бурьяне на одной линии и прозванные Николаем Владимировичем проспектом Нуждина. В сумерках за гамма-полем кричал дергач.

Литературные беседы объединяли общим интересом «физиков и лириков». В доме Аргента и Николая Михайловича я слушал Сашу Агре, космического биолога, Германа Лавина, философа, преподавателя ЧПИ, случалось, заходили Лев и Кале Царапкины. Лев Сергеевич—сын известного биолога С. Р. Царапкина, которому довелось быть рядом с Тимофеевым-Ресовским в Бухе.

За окнами вставала луна или было темно, пасмурно, Аргента Антониновна уводила в соседнюю комнату Димку и Лену. Наступала полночь, но разговор продолжался. Помню Н. В. Лучника, ведущего сотрудника лаборатории Шефа. Николай Викторович опубликовал полупривычные у читателя книги—«Почему у кролика на лапу» и «Невидимый современник». Приходил О. К. Гусев, автор записок о Баргузинском заповеднике, ныне редактор журнала «Охота и охотничье хозяйство».

В Миассово И. А. Полетаев, Н. В. Лучник и Аргента напи-

сали фантастический роман «Крур» («Конвариантно редуцирующийся универсальный робот»). В повести Д. А. Гранина можно прочитать: «О Миассово вспоминают как о райском месте не потому, что место само по себе красивое, а потому, что там все сошлось, одухотворилось, была полнота жизни и полнота науки». В разное время на биостанцию приходили Олег Коряков, свердловский писатель, М. А. Поздняков, корреспондент ТАСС, чехословацкие журналисты, вероятно, другие представители литературы и прессы. В Миассово не было еще профессиональных художников, и пробел этот следовало устранить.

Летом шестьдесят второго меня временно признали на должность лаборанта. Недалеко было ловить планктон, собирать мотылей—личинки комеров для рыб в лабораторных аквариумах. Я считал пробы, пользуясь прибором, что определял степень радиоактивности. Столовался в «колхозе», спал на веранде, куда Николай Михайлович поставил высокий топчан, накрытый марлевым пологом от комеров. Погода держалась знойная, прожорливые рыбы требовали корм, но Аргента велела ехать

в Челябинск и не возвращаться без Рубена.

В Миассово были три дороги: две приводили в Уралблеву, третья—электричкой—до Миасса, автобусом до Машгородка, а дальше Башкирской тропой через перевал. Молодому мужчине, с нормальным грузом такой путь был в удовольствие. Другое дело, если вещи неудобны и тяжелы. Хорошо помню, как болели плечи, натерты подраминками. Хотя основной вес взял себе Толя Гилев, друг и ученик Габриэляна.

День выдался безветренным. Шли в гору по камням обсохшего ручья, по корневцам, припорошенным павой скользкой хвоей. Там, где солнце пробивалось сквозь густую хвою, нас атаковали оводы, стремительные и твердые, словно пули. Даже на перевале воздух оставался недвижным, пропахшим смолой, ушедшей земляничкой. В мареве тонули бор, сорье, отразившие каленное небо, заводки. Начинался спуск, тропа стала шире, ухабицей, прорезанной руслами дождевых потоков. Рубен шагал налегке, как положено месту, но заметно утомился.

Мня уступила художникам свою аспирантскую квартиру, где можно было оставить вещи, свалить их кучей и, не

оглядываясь, идти на озеро. В поселке было безлюдно, тихо, горячий воздух гасил звуки.

Потом Аргента Антониновна кормила нас холодной окрошкой, острыми салатами и холодными рыбными котлетами. Рубен был доволен встречей, разговорчив, улыбался лукаво-весело из-под черных усов. Вечером в тесной квартире собралась вся «неостепененная наука», пила замечательный кофе Рубена. Играла радиолы, и мелодия плавного танца как бы соединялась с густым ароматом кофе. В распахнутые двери было видно небо с нарождающимися звездами.

На другой день Габриэля начал и закончил портрет сына Н. В. Лучника. Художники трудились старательно и с охотой. Они выбирали место в тени и работали до обеда. Потом шли на озеро, вода Миассово прогрелась и зацвела.

Рубен написал портрет Володи Иванова и картину «Юность», для которой позировала Инна Молчанова, теперь аспирантка Тимофеева-Ресовского. Инна Владимировна, наша землячка из Коркино, кандидат биологических наук, заведует лабораторией радиоэкологии, ведет работу в зоне аварии Чернобыльской АЭС. Картина «Юность», солнечно-зеленая, женственная, скажем так, была на выставках в Челябинске, Новосибирском академгородке, в Обнинске.

Художники ждали возвращения Тимофеева-Ресовского, Миассово без Шефа терло свою особую привлекательность. Собственно, об этом писал Д. А. Гранин, увековечивая устные были и былины о Зубре.

Николай Владимирович приехал в кабине нагретого солончака ГАЗ-51. В дороге его растрясло, утомило. Он сутулился, прихрамывал, подходя к своей калитке. Только на другой день Габриэляна и Толю Гилева представили Шефу. Я при том не был, но Рубен рассказывал своим голосом, заново переживая это событие:

— Он меня увидел и встал... Он подошел, обнял меня, поцеловал. Почему так? Не знаю...

Николай Владимирович никогда не слышал о Габриэляне и нигде не встречал его работы, но сразу поверил Рубену, понял глубокого, вызревшего к себе уважение.

Д. А. Гранин назвал портрет Николая Владимировича «Три Зубра». Это, разумеется, Шеф, это—каслинский зубр, будто

всплывший из красного тумана, четко выписанная фотография Нильса Бора, что была над столом в кабинете. Толя Гилев работал рядом с Рубеном и слышал, как Николай Владимирович просил Габриэляна сделать великого физика похожим на его фотозображение.

Тимофеев-Ресовский был тогда в светлой кобальте с красными полосами. Возможно, они в какой-то мере подсказали Рубену главный цвет портрета. Однако, кажется мне, художник только красным мог передать свое понимание природы ученого: энергию, интеллект, желание жить.

Портрет Ургант был синий, романтичный, таинственный. «Юность» Рубен написал золотистой, зеленой, а вот Зубра видел в горяччх, кричащих красках. Цвет символизировал отношение Габриэляна к человеку, над портретом которого он работал. В известной своей повести Д. А. Гранин утверждает, что портрет у Рубена получился.

И вот что еще интересно. Габриэлян работал над портретом Николая Владимировича световой день. В кабинет почти никто не заходил, не мешал художникам. Потом было много зрителей, которые хвалили работу, но никто не придумывал никаких сравнений. Для того чтобы найти точный образ, был необходим талант писателя. И еще надо сказать, что повесть «Зубр» вернула Н. В. Тимофееву-Ресовскому право гражданства и право на известность.

Летом прошлого года в Миассово побывали московские кинодокументалисты. В октябре мне и Анатолию Васильевичу Гилеву пришлось участвовать в съемках поселка бывшей биостанции. Был покров, но тихо, солнечно, по-осеннему тепло и безлюдно. Оператор программы «Время» отснял пустой лабораторный корпус, пригласивший к ремонту год назад, дом, в котором оставался Зубр. Лесом стали посадки лиственницы, одичавшая сирень местами повила штакетики. Светло кладбище, где похоронен лесник М. С. Меркин, заросло, помячило. Двухквартирный рубленый дом, в котором жили Аргента Антониновна и Николай Михайлович, разгорожен и сиротствует. Однако много осеннего солнца, глубокой синевы неба и покоя на заросшей земле.

Ю. АБРАМЕНКО.